

Кайркелды Руспаев

**Молитва
великого
грешника**

Повесть

Кайркелды Руспаев

**Молитва великого
грешника. Повесть**

«Издательские решения»

Руспаев К.

Молитва великого грешника. Повесть / К. Руспаев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837360-2

В основу этой повести заложена мысль о том, что как бы человек ни запятнал себя грехами и преступлениями, Господь способен простить его, лишь бы человек оказался способным к покаянию.

ISBN 978-5-44-837360-2

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Бабушка	11
Жамал-мугалима	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Молитва великого грешника
Повесть
Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7360-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Иман никуда не торопился, поэтому возвращался домой другим путем, нежели обычно. Он решил подышать свежим воздухом, и направился к парку, расположенному за соседним кварталом. Но ему не суждено было попасть туда, – вдруг улица огласилась воем пожарных сирен, и Иман почувствовал запах гари.

Он последовал за машинами, промчавшимися мимо, и скоро его глазам открылось тревожное зрелище пожара. Горела новая высотка – десять этажей. Пожарные спешно разворачивались, голос начальника расчета, усиленный мегафоном, требовал окружившую здание толпу расступиться, убрать припаркованные машины и не мешать работе пожарных.

Полиция установила оцепление, оттеснив зевак и жильцов со двора. Прибывший эвакуатор быстро убрал машины, и пожарные приступили к тушению. Но огонь не дремал – молниеносно охватил несколько этажей и, невзирая на действия пожарных, распространялся дальше. Хотя мегафон постоянно требовал разойтись, толпа не уменьшалась, напротив, люди все больше прибывали.

– Пустите меня! – услышал Иман чей-то отчаянный возглас, донесшийся из первых рядов. Толпа заволновалась.

– Пусти-ите меня! Пусти-ите!

Этот душераздирающий вопль перекрыл, и шум огромной толпы, и рев нескольких машин, и громкие команды пожарного начальства. Иман начал протискиваться вперед, надеясь увидеть кричавшую, но это его стремление разделяли почти все зеваки, поэтому он мало продвинулся.

– Что там происходит? – подобные вопросы задавал не он один.

– Вроде у нее в квартире остался ребенок, – объяснял кто-то.

– И что?

– Как что? Пожарные не пускают.

– Ну, конечно! Пусти, потом нужно спасать и ее.

– Да, но как ей устоять тут?! Когда, может быть, ребеночек уже задохнулся. Вон, какой дымище!

Женщина еще некоторое время вопила, будоража толпившихся, но потом голос ее стих. То ли потеряла сознание, то ли ее увезли. Иман решил уйти, но скоро понял, что это не очень легко сделать, – толпа успела крепко захватить его в свои объятия. Оглядевшись, чтобы определить направление наименьшего сопротивления, он начал пробиваться вперед. Люди недовольно оглядывались, шикали, оказывали сопротивление, поэтому прошло довольно времени, пока ему удалось вырваться из цепких когтей толпы. Но тут возникла еще одна сложность – державшие оцепление полицейские старались запихнуть его обратно туда, откуда он с таким трудом выбрался. Стражи порядка не слушали объяснений, и грозились применить резиновые дубинки, если Иман не отступит.

Иман проделал извилистый путь, прежде чем ему удалось выбраться. Но тут он заметил женщину, с умоляющим выражением на лице вглядывающуюся в каждого человека. Она что-то говорила не переставая, но Иман не слышал. Женщина все приближалась, и Иману показалось, в какой-то момент, что к нему приближается сама Судьба. И точно! Женщина, завидев его, больше не отрывала взгляда и, пробравшись к нему, вцепилась в его рукав.

– Спасите моего сына, а! – зашептала она горячечно, – Спасите, пожалуйста! Он совсем еще маленький...

– Не беспокойтесь, пожарные спасут, – пытался успокоить ее Иман, – Они, уже, наверное, вытащили его.

– Нет! – возражала женщина, – Они и не подумают!

– Ну, почему-же, – тщетно пытаюсь оторвать ее руки от себя, говорил Иман, – Вон скольких они уже вынесли.

– Нет-нет! Моего сына нет среди них. Я слышала, как их командир сказал по радиации, чтобы пожарные зря не рисковали и больше не лезли в квартиры. Меня они не пускают, а вы можете пробраться, вас они не заметят. Вытащите сына, я дам вам ключи. Спасите его, он, наверное, уже задыхается.

С этими словами она достала ключи и, продолжая удерживать Имана другой рукой, сунула их ему в карман пиджака. И тут же оттолкнулась от него и нырнула в толпу. Она стала быстро отдаляться от него, намеренно, чтобы не оставить ему возможности отказаться от возложенной миссии.

Иман еще некоторое время видел глаза той женщины, она поминутно оглядывалась, продолжая удаляться, а потом она и вовсе скрылась из глаз. Иман растерянно разглядывал связку из трех ключей, пока до него не дошел смысл произошедшего.

«Так, – сказал он самому себе, – Значит, теперь ответственность за жизнь ее сына легла на тебя»

Он, конечно, понимал, что может отказаться, вернуть этой женщине ключи, разыскав ее, или, в крайнем случае, отдать их командиру пожарных или полицейскому начальнику. Но он не мог забыть умоляющих глаз той женщины. Он вспомнил о своем маленьком Амани, представил, что это он остался в горящем здании и теперь задыхается в дыму или сгорает живьем в огне. От этой мысли его всего передернуло, и он огляделся, лихорадочно соображая, что предпринять.

Пробиться сквозь кордоны пожарных и полицейских и не стоило пытаться, и Иман двинулся в обход толпы в сторону соседнего здания. Он надеялся пробраться к горящему зданию с другой стороны.

«Может быть, там есть пожарная лестница, – подумал он, – Обычно они находятся на торцевой стороне».

Расчет его оправдался, – пожарная лестница и впрямь находилась там. Правда, и она охранялась – возле нее находился молоденький полицейский, но он поминутно отходил к углу, а то и заходил за него, видимо, ему было интересно наблюдать за тем, что происходило там.

Улучив момент, Иман метнулся к лестнице и одним прыжком оказался на нижней перекладине. Полицейский не сразу заметил его, и засвистел, когда уже было поздно. Иман карабкался на уровне второго этажа. Он остановился лишь на площадке третьего. Взглянул вниз – полицейский погрозил ему кулаком и побежал за угол – видимо, докладывать своему начальнику.

– Нужно войти в здание, – сказал себе Иман.

Но потом спохватился:

– А какой у нее подъезд? Этаж он знал – та женщина несколько раз повторила: «Девятый этаж... моя квартира на девятом этаже...»

Иман взглянул на ключи – брелок с номером 57. Он знал внутреннее устройство зданий такого типа – на каждой площадке по три квартиры, здание десятиэтажное, значит в одном подъезде тридцать квартир. Поэтому пятьдесят седьмая должна быть во втором подъезде, на девятом этаже. Все правильно. Иман думал быстро, хотя обычно не отличался особой сообразительностью – видимо обстановка мобилизовала. Но, с какой стороны начинается счет подъездам? И тут мгновенной вспышкой проявилось зрительное воспоминание – когда он пробирался в толпе слева направо, то сначала видел подъезд с номером пять, а затем – с четвертым. Значит, второй подъезд – он и второй с этого торца. Чтобы попасть туда, нужно забраться на крышу и попытаться проникнуть в подъезд сверху, через люк.

Внизу появился полицейский начальник и приказал Иману спуститься. Он грозил всякими санкциями, но Иман не слушал его – он проворно карабкался вверх. Взглянув вниз

с уровня технического этажа, он заметил лезущего за ним полицейского, который охранял лестницу прежде. Но, потом из эвакуационной двери третьего этажа вырвался клуб огня и дыма, заставив полицейского ретироваться. Иман обрадовался тому, что так легко отвязался от преследователя, хотя он понимал, что теперь ему отрезан путь назад, то есть, вниз.

И вот Иман на крыше. Вид открылся величественный – весь город оказался как бы на ладони. Но Иман спешил, ему было не до красот.

«Хоть бы оказался открытым лаз», – подумал он, подходя к люку. Взялся за ручку – люк легко поддался. «Слава Аллаху!», – обрадовано прошептал Иман, устремляясь вниз.

Запах гари ударил в ноздри, но Иман не отступил и стал спешно спускаться. Его пронзила догадка – он, оставив открытым люк, дал тяге усилиться. Но, возвращаться поздно – он уже миновал техэтаж и оказался на десятом. Взглянул на первую попавшуюся дверь, и понял, что не ошибся – на ней значилась табличка с номером шестьдесят.

Иман спустился этажом ниже, и вот, с краю, точно там, где он и ожидал – пятьдесят седьмая квартира. Но почему ключи не подходят? Иман в недоумении вернул взгляд на дверь, и тут только обратил внимание на буковку «а» рядом с «57». Взглянул на другие двери и заметил «лишнюю» – четвертую. А ведь этажом выше было всего три двери на площадке. Значит, одна квартира разделена на две?

И точно, – слева находилась дверь с номером «57». Вот и ключ подошел! Иман вошел в квартиру и машинально захлопнул за собой дверь.

В тот момент он не отдавал отчета своим действиям, он спешил найти ребенка; да еще голова была занята мыслями об обратном пути. Ведь пожарная лестница объята пламенем. А ребенка нигде не было. Иман обыскал единственную комнату, кухню, заглянул в ванную – нет!

– Что это? – вслух думал он, – Неужели ребенка не было? Неужели та женщина солгала? Или его вынесли до меня? Возможно. Но, почему дверь была заперта? И окна все целы. Неужели пожарные где-то нашли ключи, вынесли мальчика, а потом аккуратно заперли дверь за собой? И это все в спешке? Маловероятно, тем более, что, по всему виду, они и не поднимались на верхние этажи.

– Но где же мальчик-то? – этот вопрос крутился в голове, пока Иман вновь и вновь обыскивал квартиру.

– И был ли он? —

Вспомнился горьковский «Клим Самгин» с подобной фразой: «А был ли мальчик?». Ему вспомнилось безумное лицо хозяйки этой квартиры, там, внизу, в волнующейся толпе, то, как она бормотала горячечно. Иман бухнулся в кресло, лихорадочно соображая.

– Неужели я поддался на уговоры безумной женщины? Определенно, это так. Ведь пожарные не захотели слушать ее. Возможно, жильцы, соседи предупредили их, что она безумна, и что у нее нет никакого сына. Возможно, что она потеряла сына, раньше, отчего и тронулась умом, и теперь... Возможно, возможно. Но как же я поддался ее уговорам? Пове-рил, как дурак. Ведь ясно было, что пожарные и полицейские контролируют ситуацию и они, конечно же, с самого начала выяснили, кто находится в здании, кого вынесли, а кого еще нет.

Нужно уходить. Иман подошел к двери – заперта. Пощелкал задвижками – безрезультатно. Видимо, замок был из тех, что запираются автоматически, а отпираются только при помощи ключей. Иман вспомнил, что ключи он оставил в замке, снаружи, и невольно упрекнул себя.

Он осмотрел дверь, – крепкая стальная, местного производства, нечего и думать высидеть. Иман устремился в комнату, отворил окно, высунулся, и тут же отпрянул – в лицо полыхнуло жаром. Внизу бушевал огонь. Кажется, он даже усилился. Да, это так. Иман кинул взгляд вверх, потом вернул его вниз – нижние этажи объаты пламенем, и на девятом в двух местах вырывается огонь из оконных проемов.

Значит, есть лишь один путь к спасению – вверх. Но, каким образом отсюда попасть на десятый этаж? Был бы еще балкон, можно было бы сделать попытку перебраться на балкон десятого. А так...

– Ну, архитекторы! – с досады вырвалось у Имана, но потом он вспомнил, что балкон находится в той половине бывшей трехкомнатной квартиры, разделенной на две однокомнатные. Он надышался удушливого дыма, глаза его слезились, он кашлял и тяжело дышал. Закрыв окно, он вновь вернулся к выходу. Он теперь понимал, что может спастись, лишь открыв входную дверь.

Иман порылся в бесчисленных ящичках кухонного гарнитура в поисках подходящего инструмента, но не нашел ничего, кроме отвертки, плоскогубцев и молотка. Он еще некоторое время продолжал поиски, но потом сказал себе: «Что ты ищешь? Неужели ты думаешь найти в обыкновенной, рядовой квартире дрель или перфоратор». И он подхватил имеющийся инструмент и отправился ломать замок.

Изготовители двери поработали на славу – замок был помещен в середину, меж двух стальных листов, а отверстие для ключа узенькое, в него проникает только жало отвертки. Иман сломал отвертку, но не сумел нанести каких-либо серьезных повреждений замку.

Он задыхался, обливался потом, который застил глаза; он слышал, как гудит огонь, рвущийся с нижнего этажа вверх. Иман досадовал допущенным ошибкам, тому, что оставил люк на крыше открытым, тем самым открыв дорогу сквозняку, и значит огню, тому, что захлопнул дверь в квартиру, не догадавшись прихватить ключи. И, ведь знал, что существуют такие замки! Иман работал на стройке последние годы и за это время успел познакомиться с всякими замочными системами.

Он сидел на корточках, прислонившись к стене крохотной прихожки, соображая, что бы еще предпринять, но ничего не смог придумать. Кроме того, что нужно как-то открыть или выломать этот проклятый замок. Иман снова взялся за молоток, и, уставив в замочную скважину ручку пассатижей, принялся ожесточенно колотить. Плоскогубцы не выдержали и минуты – разлетелись по оси, соединяющей две половинки. Иман подобрал целую ручку от них и бил по замку, пока и они не сломались, после чего бросил инструменты и выпрямился.

Иман как-то вдруг и ясно осознал, что оказался в захлопнувшейся ловушке. Это было так очевидно и неотвратимо, и воздух тесной квартирки так быстро нагревался, что он понял – вся эта дикая, невероятная история с сумасшедшей женщиной и ее несуществующим ребенком сразу приобрела определенный смысл. «Вот оно – возмездие!» – эта мысль, как молнией озарила его мозг, и все дальнейшее представилось во всей ужасающей перспективе.

Стальная дверь накалялась с каждой минутой – уже невозможно стоять возле нее. Иман отступил на кухню, на ходу сбрасывая верхнюю одежду. Квартира быстро превращалась в настоящую духовку. Иман снял с себя все, кроме тонкой футболки и такого же трико, которое было у него под брюками. Посидев минуту за пустым кухонным столом, он направился в ванную. Аккуратно сняв одежду, стал под душ. Принял полное омовение согласно мусульманскому ритуалу.

Иман понял, что, возможно, приближается его час, и решил встретить его за молитвой. Он не совсем потерял надежду и старательно отгонял мысли о безнадежности своего положения. Он помнил, что говорил Улан – его первый религиозный учитель, его духовный наставник: «Мусульманин никогда не теряет надежду; безнадежность – дело шайтана». Он, конечно, надеялся на пожарных, ведь те знают, что он здесь. Но и понимал, что шансы спастись незначительны.

«Что-ж, в любом случае исполнится воля Аллаха», – сказал он сам себе вслух, и, пройдя в маленькую комнату, которая, видимо, служила хозяйке одновременно и спальней, и гостиной, стал лицом к кибле – направлению к Мекке, и приступил к намазу.

Душ несколько освежил его, но это ощущение прошло очень быстро, и Имана вновь начали мучить жар и дым. Двери и окна были подогнаны плотно, но, ведь дым просочится и в малейшую щель или дырочку. А жар шел отовсюду. Стальная дверь раскалилась до того, что облезла краска, и уже начала выгорать. Пластиковые рамы окон готовы были растечься вместе со стеклами, – Иман видел, что стекла помутнели и как будто пошли волнами.

«Субхан Аллах!» (пречистый Аллах), – прошептал он, и с новой силой принялся за молитву. Запекшиеся губы едва разлеплялись, шепча аяты Священного Корана; Иман, то сгибался в пояском поклоне, то падал ниц, то вновь выпрямлялся, совершая намаз; он старался не отвлекать сознание, но нет-нет, а подкрадывались мысли о скором конце, о том, как мало он пожил – даже не успел отвести своего Амана в школу. И, наверное, как и каждый человек, оказавшийся у порога меж двух миров, бросал взгляды назад, на прожитое, и, вспомнив тот или иной эпизод, сожалел и каялся, и горячо просил Всевышнего простить его за грехи, а их у него... было немерено.

Иман чувствовал, что запекается живьем. Он уже мало что соображал, в глазах рябило и расходились радужные круги. Движения его были замедлены, он чувствовал, что вот-вот лишится сознания. Действительно, он и сам не понимал, как еще жив; ему порой казалось, что он должен вспыхнуть факелом. Казалось, что оставшаяся на нем одежда сейчас загорится, она была давно сухой, как и все тело Имана, – он давно уже изошел потом, а воды в душе уже не было. То ли отключили, то ли пластиковые трубы водопровода расплавились на нижних этажах.

Но Иман продолжал молиться. Его губы уже не шевелились, и язык не повиновался ему, – он твердил про себя только одну фразу калимы (формулы веры): «Ла илаха илла Аллах, Мухаммад – расуллах!» (нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад его пророк). Но его мысли то и дело уходили в прошлое – и хорошего, доброго он совершил там, но почему-то вспоминается только нехорошее, то, что зовется подлостью, то, что давит на душу тяжелым грузом грехов и преступлений, заставляя ее страдать от невозможности вернуться в прошлое и исправить...

Бабушка

Иман учился в третьем классе, когда однажды учительница Жамал-мугалима завела разговор о вере и Боге. Она говорила о том, что верующие – темные, невежественные люди, и что, к счастью, их становится все меньше и меньше с каждым годом. Что религия, по выражению Карла Маркса – «опиум для народа». После чего ей пришлось объяснять, что такое опиум:

– Это такое вещество, называемое наркотиком, оно опьяняет и одурманивает человека.

Иман не понял, что значит «одурманивает», но он хорошо знал значение слова «опьяняет» – его отец иногда бывал пьяным, и тогда он его не любил.

– ...так что, советский человек, пионер, хорошо знает, что нет ни Бога, ни Аллаха, – заключила Жамал-мугалима, и добавила:

– А тот, кто это утверждает, очень плохой человек, и вам нельзя слушать таких людей.

Иман любил свою бабушку, и он никак не мог согласиться с тем, что она плохая. Поэтому он сказал:

– Моя бабушка говорит, что Аллах есть, что он все видит и все слышит. А она никогда не бывает пьяной.

Одноклассники оживились, кто-то засмеялся, а Жамал-мугалима быстро взглянула на Имана. Взгляд ее стал каким-то нехорошим, жестким, и Иману стало не по себе. Он понял, что сказал что-то нехорошее. Но что? Ведь он сказал только правду о бабушке.

Иман любил слушать бабушкины сказки об Аллахе, пророке Мухаммаде, об ангелах и джиннах. И о шайтане. Бабушка рассказывала о них, укладывая его спать; Иман засыпал под них, но, странное дело – поутру он мог пересказать все, словно специально учил наизусть.

– А какой Аллах ростом? – спрашивал Иман, – Он как великан дау?

– Аллах очень велик, – говорила бабушка, – Человек не может представить все величие Всевышнего – у него не хватит мозгов для этого. И если кто-нибудь будет слишком ломать голову, пытаясь постичь величие Господа, то может просто свихнуться. Ибо не все подвластно уму человека. Человек должен знать, что Аллах очень велик – Аллах Акбар, что Он создал весь этот мир и управляет им, и что от него не скроется ничто, ни добро, даже на вес пылинки, ни зло на вес все той же пылинки. Потому что к каждому из нас приставлены ангелы, которые записывают в тетрадь наших дел все наши поступки, слова и мысли – и хорошие, и плохие.

Человек должен стараться совершать хорошие поступки, и не совершать дурных – не лгать, не воровать, не сквернословить, не пить водку, вино и пиво, не курить, не желать никому зла, а тем более не делать ничего плохого никому, чтобы Аллах был доволен им, ибо от этого зависит его будущая жизнь на этом и том свете. И не дай Бог нам заслужить его гнев!

Говоря об Аллахе, бабушка становилась строгой, и поэтому Иману не приходило в голову шалить и смеяться. Всем своим видом, необычно серьезными интонациями своего голоса бабушка давала понять, что к Аллаху нужно относиться серьезно и с великим почтением. Но вот разговор переходил к пророку Мухаммаду, и глаза ее начинали светиться умилением, голос смягчался, и она рассказывала о нем, как об очень близком и любимом человеке.

– А пророк Мухаммад – он что, родственник наш? – предполагал Иман, и бабушка улыбалась и гладила его по голове.

– Он, да благословит его Аллах и приветствует, всем нам, истинным мусульманам, родственник. Нет нам ближе его и любимей. Он – избранник Аллаха, и этим все сказано. Наш любимый пророк был защитником всех бедных и сирых, он – самый добрый из всех людей. И справедливый. И честный. Он за всю свою жизнь ни разу не солгал, не повысил голоса, не разгневался. Он был всегда спокоен и доброжелателен. От него исходило какое-то приятное благоухание; где бы он ни появлялся, там стихали раздоры и склоки, все успокаивались, даже плачущие младенцы – и те утихомиривались и радостно смеялись. Он прикасался к боль-

ному – и тому становилось легче. Если у кого случалось горе – он приходил, говорил слова соболезнования, объяснял, что горе его на самом деле не горе – ему верили и утешались. Он никогда не таил зла ни на кого, напротив, он жалел тех, кто причинял ему боль и оскорбление, так как знал, какое наказание для них приготовил Всевышний. Взгляд его согревал душу, и не было человека хорошего, благочестивого, который бы не прониклся к нему уважением и любовью. Он призывал людей поклоняться одному Аллаху, чтобы спасти свои души – с ним соглашались и отворачивались от идолов, которым поклонялись все их предки. Он объяснял, как стать настоящими, просвещенными людьми – и люди следовали его примеру и обогащались знаниями. Его соратники и последователи обрели счастье в этой и той жизни, и лишь злые и завистливые, те, кому Аллах запечатал сердца, глаза и уши, не способны были понять, какое это счастье – быть его современником. И сейчас много таких среди нас, они – добыча шайтана.

– А шайтан, он кто – человек? – спрашивал Иман, и бабушка шептала какие-то непонятные слова и плевала за левое плечо.

– Шайтан, да, он может принять обличие человека, но чаще он невидим. Если тебе на ум приходят плохие мысли, ну, скажем, тебе хочется солгать, или украсть, или ударить кого-либо, то знай – шайтан рядом с тобой, это он нашептывает тебе совершить плохое. Тогда сразу вспоминай Аллаха, только именем Господа нашего можно прогнать шайтана. Я научу тебя словам дуа – молитвы, с помощью которой человек призывает Аллаха в покровители, в защитники от проклятого.

Проклятым бабушка называла шайтана.

Бабушка могла долго рассказывать об Аллахе, пророке Мухаммаде, об ангелах и джиннах. И еще у нее была очень старая и потрепанная книга – Коран, но читать ее могла только она сама. И, чтобы взять ее в руки, нужно было совершить дарет – омовение, умыться по особому порядку. Бабушка брала в руки Коран и читала – словно пела странную песню. Она говорила:

– Священный Коран – самая правдивая книга из всех книг, потому что в ней записаны слова самого Аллаха. А передан он нам, людям, через пророка нашего Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Я научу тебя читать ее, когда ты немного подрастешь, она написана на арабском языке.

Иман, конечно, хотел бы научиться читать Коран, но он очень сомневался, что сумеет, уж очень непохожи каракули в той книге на буквы, которым он научился в школе. Но он верил бабушке, она сумела внушить ему, что все в этой книге истинно. И вот теперь учительница, которой он тоже верил, уважал, и, что греха таить, немного побаивался, утверждала обратное.

Жамал-мугалима прошла на свое место и села за стол, и только после этого призвала класс к порядку. Она не сразу заговорила – предварительно прошлась взглядом по всему классу. Ученики замерли, так как каждый прочувствовал этот взгляд. Остановила она его на Имане, и он невольно поежился.

– Я уже сказала о том, что верующие люди плохие, но вы не представляете, как они вредны для нас. Ведь они прикидываются хорошими, чтобы обмануть вас. Вот твоя бабушка, Иман, ведь она вредит тебе, а, наверное, говорит, что любит тебя?

Учительница прожигала его глазами, и Иман опустил глаза. Он лишь кивнул головой.

– И, наверняка ты ее любишь.

Иман вновь кивнул.

– Тебе она кажется хорошей, но она плохой человек, раз говорит, что Аллах есть. Не верь ей, и не слушай ее! Хорошо?

Иман вновь кивнул, на этот раз не так уверенно. Он еще некоторое время сидел с опущенной головой, но чувствовал, что учительница смотрит на него, и смотрит осуждающе. Жамал-мугалима еще раз повторила, что нет ни Бога, ни Аллаха, ни Христа и ни Будды. И что нет, следовательно, и черта с шайтаном. Она еще долго говорила о вредности веры в сверхъестественные силы и о том, что человек – единственный хозяин всей вселенной.

Иман думал, что больше не будет возврата к этой теме, но он ошибся. К концу урока учительница дала Иману небольшую записку, с тем, чтобы он передал ее отцу. В груди у Имана похолодело, он понял, что чем-то провинился. Он не мог найти в своем поведении ничего предосудительного, но то, что записка к отцу не предвещает ничего хорошего для него самого, он знал. В начале учебного года Иман подрался с одним мальчиком, Игорьком. Вообще-то Иман был тихим, покладистым мальчиком, на него до того случая не жаловались, ни учителя, ни соседи, ни даже девочки.

А в тот раз Игорек просто достал. Он сидел сзади, и ему пришло в голову давать шелбаны по голове Имана. Иман, может быть и стерпел бы такое оскорбление, тем более, что было не больно, но на них обратила внимание Света, которая очень нравилась ему, но которой он, видимо, не нравился. В последнее время она отдавала предпочтение Игорьку, и, возможно, именно оттого тот глумился теперь над Иманом. Игорек не рискнул бы проделать подобное с кем-то другим, а Иман что – в классе уже сложилось мнение, что он тихоня и, значит, трус.

Гнев копился долго. Иман не знал, что делать. Его распирали одновременно, и злость на Игорька, и обида, ведь он не сделал ничего плохого соседу сзади, ни разу не отказал, когда тот просил списать, а делал он это часто, ведь их варианты всегда совпадали на контрольных работах. Иман уже несколько раз оглянулся, прося Игорька прекратить, но этим лишь подливал масла в огонь.

Иману в какой-то момент захотелось встать и треснуть кулаком по лицу обидчика, и лишь слова бабушки о шайтане, о том, что нельзя бить никого, удерживали его. Может быть, Иман и стерпел бы, но тут его вызвали к доске. С великим облегчением он отправился отвечать урок, у доски обернулся, и встретился с враждебным взглядом Игорька – тот показал кулак, а затем, изобразив пальцами, как он еще будет давать шелбаны, переглянулся со Светой. Иман встретился с ее презрительным взглядом, когда, взяв деревянную линейку, собрался чертить на доске равнобедренный треугольник.

Этот презрительный взгляд, ее пренебрежительная улыбка, стали последней каплей, переполнившей чашу терпения, и Иман молча направился к Игорьку. Учительница удивленно воскликнула:

– Ты куда?

Но Иман ничего не слышал и не видел, кроме насмехающихся глаз обидчика, которые выказали испуг, по мере приближения Имана. Игорек вскочил и подставил руку, защищаясь, когда Иман принялся ожесточенно бить ребром линейки по нему. Игорек завизжал, и только тогда Жамал-мугалима опомнилась и, подбежав, отобрала линейку. Она была поражена «беспричинной агрессией» Имана, а то, что поведение его было ничем не спровоцировано, она «выяснила», допросив виновников происшествия и остальных учеников и учениц. Ей не могло прийти в голову, что от нее могут что-то скрыть.

Вот тогда-то она написала первую записку отцу Имана. Тогда здорово попало от папы...

Папа пришел из школы каким-то потемневшим. Иман сидел за домашними заданиями, и внутренне сжался при его появлении. Он побаивался отца; не сказать, чтобы папа терроризировал его, нет. Наоборот, бывал порой очень ласковым и нежным. Но Иман немножко не доверял ему, ему всегда казалось, что в отце сидят два человека: один – хороший, ласковый, щедрый, снисходительный, другой – со злым блеском глаз, жесткий, быстрый в движениях, непредсказуемый. А уж когда бывал пьян...

Иман обычно быстро справлялся с домашними заданиями; он делал только письменные, и то быстро, так как сходу, еще на уроке схватывал суть темы, пересказанной учительницей. Но сегодня он намеренно засиделся дома; он понимал, что по возвращении отца состоится серьезный разговор.

Нет, отец не занимался рукоприкладством. Но Иман боялся его пышущих яростью глаз, его распираемых экспрессией слов, его быстрых, резких движений. Он незаметно бросил взгляд на вошедшего отца; тот был вроде спокоен, и, что сразу успокоило Имана – не смерил его многозначительным взглядом. Казалось, что Иман не интересуется его вовсе. А когда он сказал:

– Иман, походи, поиграй. Аскар с Шокеном спрашивали тебя, – Иман быстро собрал учебники и тетрадки и выбежал на улицу. У него отлегло от сердца; все время, после получения той записки, он чувствовал тяжесть в груди, и его угнетало смутное беспокойство.

Тогда он ничего не заподозрил; его не насторожило то, что отец попросил его поиграть, обычно он никогда не делал этого, наоборот, сетовал, что Иман слишком много времени проводит на улице и почти не занимается домашними заданиями. Иман был рад тому, что так легко отделался, что эта история с сегодняшней запиской не имела для него никаких последствий.

Бабушка в тот вечер была печальной. Иман обратил внимание на то, что она чем-то озабочена. И, когда он, по обыкновению попросил ее рассказать перед сном сказку о пророках, ангелах и джиннах, бабушка тяжело вздохнула, и, тщательно укутывая по-обыкновению толстым лоскутным одеялом, которое сама сшила, прошептала:

– Я не буду больше рассказывать сказки. Спи.

– Но почему?! – возмутился Иман и потребовал, – Я хочу сказку!

Тут в спальню вошла мама, и под села к нему.

– Я расскажу тебе сказку, – сказала она. Иман удивился – мама никогда не рассказывала ему сказок – напротив, она была всегда против того, чтобы бабушка рассказывала их. Иногда и папа заглядывал к ним, и недовольно говорил:

– Чем вы забываете ему голову? Неужели нельзя рассказать настоящую сказку ребенку!

На что бабушка отвечала:

– Я и рассказываю настоящие сказки. А то, о чем ты говоришь – просто небылицы.

Папа лишь качал головой и удалялся.

Мама начала рассказывать сказку о мальчике Ер-Тостике, который появился из бараньей грудинки, но рассказ ее Иману не понравился. Иман сказал:

– Ты не умеешь рассказывать сказки. И сказка твоя неинтересная. Как может ребенок сделаться из грудинки?

Чем очень обрадовал бабушку. Она благодарно погладила ему голову, а мама растерянно пробормотала:

– Ты уже большой, тебе не сказки слушать, серьезные книги нужно читать.

После чего, пожелав спокойной ночи, ушла к себе.

Бабушка зашептала, наклонившись к Иману:

– Да хранит тебя Аллах, он поселил в твоём сердце искорку веры, ты уже отличаешь истину ото лжи...

Но тут вошел папа и строгим голосом сказал:

– Еней (теща), вы что – не понимаете слов? Я уважаю вас, но если вы не прекратите, мне придется укладывать Имана в нашей спальне.

Бабушка ничего не сказала, лишь поджала губы, и, поправив одеяло на Имане, пожелала спокойной ночи, и легла на свою кровать. Папа постоял немного, потом выключил свет и ушел.

Назавтра Жамал-мугалима подняла Имана и спросила:

– Скажи, Иман, что ты знаешь об Аллахе? И, вообще, о религии...

Иман чувствовал, что в этом вопросе есть какой-то подвох, он понимал, что нужно бы повторить то, что рассказала учительница вчера, но он никак не мог, да и не хотел смириться с тем, что бабушка, которую он так любил, темна и невежественна. И, особенно с тем, что она – плохой человек, и что ее не нужно слушать. Может быть, поэтому он сказал, упрямо глядя в ожидающие глаза Жамал-мугалимы:

– Аллах создал все: землю и небо, людей и животных. И он знает обо всем, что мы делаем, потому что ангелы...

– Замолчи! – взвизгнула совершенно неузнаваемым голосом Жамал-мугалима, испугав, и Имана, и остальных учеников. Одновременно хлопнула по столу ладонями и, вскочив, заходила по классу.

– Твоя бабушка лжет! – продолжала она, прожигая Имана своими черными глазами. Казалось, что это не она, ее словно подменили, так она изменилась в лице.

Учительница ходила взад-вперед, как разъяренная тигрица, а притихший класс ждал, затаив дыхание, что последует дальше. Жамал-мугалима приблизилась к Иману, и внутри у него все сжалось. Она остановилась против него, и произнесла, делая ударение на каждом слове:

– Запомни – твоя бабушка ничего не знает! Она неграмотная, темная женщина, пережиток прошлого! И не тебе – советскому ученику, пионеру, повторять всю ту чушь, что несет она!

И она сказала, пристукивая костяшками пальцев по парте:

– Ты понял меня, Иман? Понял?!

Иман нервно сглотнул и кивнул. Он, конечно, не мог согласиться со словами о бабушке, но он был напуган, и ему ничего не оставалось, как кивнуть согласно. Но Жамал-мугалима не удовольствовалась этим. Она потребовала:

– Нет, Иман! Скажи, ты понял меня?

Иману пришлось подтвердить. Он сказал еле слышно:

– Да, мугалима. Я понял.

Но этого учительнице было мало. Она сказала:

– Скажи: «Моя бабушка – темная и неграмотная. Я не буду слушать ее, и не буду повторять того, что она говорит».

Иман потупился. Он боялся учительницы, которая так грозно нависала сейчас над ним. Но он никак не хотел подтвердить ее несправедливых слов о бабушке. Жамал-мугалима подождала, а потом вновь повторила свое требование:

– Повторяй: «Моя бабушка – темная и неграмотная».

И, не добившись ничего, ухватила Имана за пиджак, больно прищемив кожу плеча под тонкой тканью.

– Ты слышишь меня?!

Иману показалось, что рядом зашипела змея. Он не поднял головы и не раскрыл рта.

– Ну, хорошо же! – бросила учительница, и, оставив Имана, вернулась за свой стол.

Она долго приводила в порядок то, что лежало на столе. Класс словно вымер. Лицо Жамал-мугалимы покрылось красными пятнами; она бросала время от времени грозные взгляды на Имана. Он продолжал стоять, опустив голову.

Наконец, учительница несколько успокоилась, и, оглядев класс, заговорила:

– Вот видите, дети, что происходит, когда вы слушаете плохих людей, толкающих вас назад, в темное, дремучее прошлое. Возьмем Имана – он неплохой ученик, дисциплинированный, и учится хорошо. Я считала его одним из лучших учеников класса.

В этом месте она задержала на Имане взгляд. Он поднял к ней глаза, но, встретившись с ее взглядом, излучающим холодную ярость, вновь опустил их долу.

– Но сегодня, сейчас, я поняла, что очень ошибалась. Теперь я вижу, что он подпал под вредное влияние невежественного человека, мракобеса. А ведь он ничего не понимает, он повторяет, как попугай, чужие, неразумные слова. Я очень за него беспокоюсь, если он не одумается, будущее его под бо-о-ольшим вопросом. Думаю, каждый из вас подумает над моими словами, и сделает выводы для себя.

Прозвенел звонок, но никто не сдвинулся с места. Учительница молча собрала свои принадлежности и покинула класс при гробовом молчании. Дверь закрылась за ней, и только после этого Иман опустился на свое место.

Вся семья ужинала, когда в дверь постучали. Мама пошла открывать, а все прислушались – она поздоровалась, и ей в ответ прозвучало приветствие, таким знакомым Иману голосом, что он почувствовал, как замерло сердце, и как пробежал следом холодок по спине. Конечно же, это была Жамал-мугалима. Иман поднялся с места и ушел в детскую, когда она прошла в комнату, служившую одновременно и кухней, и столовой.

Ее усадили за стол, и мама тут же налила ей чаю. Жамал-мугалима села, придвинула пиалу с чаем, положила ложку сахара, и только после этого подняла глаза на присутствующих, которые в некотором тревожном ожидании следили за ее движениями. Иман стоял в своей комнате, держа сидящих за столом в поле зрения.

– Я решила поговорить с вами, Совет Ибрагимович, – начала, наконец, Жамал-мугалима, – Простите меня, если я лезу в вашу семью, но я не могу молчать в то время, когда мой ученик буквально гибнет на моих глазах. Я в первую очередь в ответе за него, вы, наверное, понимаете это?

И она оглядела родителей Имана. Мама кивнула, а отец поддакнул:

– Да-да! Конечно!

– Так вот, Иман очень беспокоит меня. Я понимаю, как дорога ему его бабушка, в его возрасте очень трудно правильно оценивать людей, но я должна со всей ответственностью заявить, что нужно решительно оградить его от вредного и опасного влияния, от мракобесия религиозного человека.

И она выразительно посмотрела на отца Имана, а затем перевела взгляд на бабушку. И все последовали ее примеру. И Иман тоже. Он видел, как бабушка потемнела лицом, как задрожали ее губы, когда она заговорила.

– Дочка, ты не права, – сказала она, – Это не мы гибнем с Иманом, а вы все, да простит вас Аллах. Он, конечно, рассудит нас, но я, как могу, стараюсь спасти душу своего внука...

Жамал-мугалима перебила ее. Она сказала, обращаясь к отцу Имана, сделав красноречивый жест в сторону бабушки:

– Это не лезет ни в какие ворота! Вся страна идет вперед, к коммунизму, мы изо всех сил стараемся вырастить новое поколение строителей, а ваша теща пытается нам помешать! Я не думаю, что вам безразлична судьба Имана, мне, например, нет. Ведь она просто губит его, да и всех вас. Ладно, я могу понять ее – она человек из прошлого, ее время прошло, пусть она остается при своих заблуждениях, но при чем тут мы с вами? Неужели вы не понимаете, что она пытается затянуть Имана в свое прошлое? Как хотите, но я не допущу, чтобы мой ученик стал добычей мракобеса. Я в ответе за своих учеников, партия спросит с меня за каждого из них.

Мама с папой слушали ее со все возрастающей тревогой. Бабушка молчала. Она сидела вначале вполборота к Иману, но после слов мугалимы, отвернулась от нее возмущенно, и он не видел выражения ее лица, но догадывался, что глаза ее сейчас мечут молнии. Иман не понял почти ничего из тирады своей учительницы, но он понимал, что она очень нелестно отозвалась о бабушке.

Жамал-мугалима еще что-то говорила родителям Имана, бабушка покинула кухню, намеренно громко произнесла «Аллах Акбар!» и проведя ладонями по лицу. Она вошла в их общую с Иманом комнату нахмурилась, но разгладила резкие складки меж бровей, как только подошла к внуку и положила свою нежную ладонь на его голову.

Учительница ушла; отец завел разговор, и сначала обвиняками, а потом и прямо дал понять, что бабушке нет места в их доме.

– И что? – воскликнула в какой-то момент мама, – Ей нужно съехать отсюда? А куда она поедет, к кому?

– Как – к кому?! – возмутился папа, – У нее есть сын!

– Но ты же знаешь, какая у них теснота!

– А у нас что – просторно? Скоро у нас появится ребенок, не мешает детям отвести отдельную комнату...

Отец замолчал, но тут же продолжал:

– Да дело не в этом! О чем идет речь? Она плохо влияет на Имана. Да что там Иман! Она может погубить нас всех! Эта Жамал права – нельзя вдалбливать в голову несмышлениша всю эту белиберду. Иман и сам откажется от всего этого, как только немного подрастет и поймет, что к чему. Это он сейчас, как и все маленькие дети, верит в сказки. Насчет этого я спокоен. Меня беспокоит другое. Эта Жамал – член парткома, с ней шутки плохи. Она без особого труда свалила Самеда, а каким он был матерым волком! Во всяком случае, не мне с ней тягаться.

– Значит, ты ее просто боишься! – вырвалось у мамы, и Иман заметил горделивую улыбку на губах бабушки.

– Опять ты так! Слушай, Фатима, мы с тобой не дети. И не вчерашние комсомольцы – максималисты. Мы обязаны думать о будущем нашей семьи, о будущем наших детей. То, что еней тянет всех нас назад, мы с тобой знаем и без этой Жамал. До сегодняшнего дня я молчал – чего не вытерпишь ради родного человека. Но она переходит всякие границы! Ты не знаешь, так спроси у нее самой – сколько раз я просил оставить Имана в покое. И, вот теперь, ее «безобидные сказки», как ты всегда хочешь представить ее разговоры, а это не что иное, как религиозная пропаганда, да-да, можешь не усмехаться, эта учительница не дура, она сразу распознала, назвала вещи своими именами, так вот, они угрожают нашему благополучию.

– Ты, как всегда, сгущаешь краски, – не так уверенно, как прежде, пыталась возразить ему мама.

– Да! Я боюсь, я сгущаю краски, я преувеличиваю! Может быть. Но и беспокоюсь о своем будущем, о нашем будущем. Может быть, ты не знаешь – я не говорил еще, наш зам, Николай Григорьевич, скоро уходит на повышение в трест, так вот он хочет рекомендовать на свое место меня. Мне он сказал сам. И руководство не против, и об этом я узнал от него. Передо мной открывается отличная перспектива – стану замом, а оттуда до кабинета директора – один шаг. И это притом, что шеф должен уйти на пенсию, он еще тянет, но с его здоровьем долго не продержаться. Имея такую поддержку в тресте, как Николай Григорьевич, я запросто смогу сделать этот шаг. И теперь моя родная теща грозит перечеркнуть все мои планы, так хорошо складывающиеся для меня, для нашей семьи обстоятельства. Как это понимать?

Мама молчала. Отец немного помолчал и заговорил вновь, несколько мягче.

– Я понимаю тебя, поверь, и мне нелегко расстаться с ней, да и Иман так к ней привязан. Она незаменимый помощник тебе, особенно теперь, когда ты ждешь ребенка. Но что делать – эта Жамал настроена решительно, она не остановится ни перед чем, она уже показала свой нрав, и свою принципиальность. Сейчас она член парткома нашего поселка, но ей прочат место парторга, так что «разоблачение коммуниста – ретрограда, потакающего религиозному фанатику, оплетающего сетью мракобесия подрастающее поколение» поднимет ее в глазах партийного руководства еще выше.

Отец замолчал, ожидая какие-либо слова от мамы, но та удрученно молчала. Видимо, ее лицо, ее молчание будили без слов его совесть, поэтому он продолжал, еще мягче, с извиняющимися нотками в голосе.

– Пусть поживет немного у деверя, ничего, потеснятся, потерпят. Объясни ему ситуацию, скажи, что... год, ну, полтора – два мы возьмем ее обратно. Сейчас главное – успокоить эту Жамал, дать ей понять, что мы готовы на все, чтобы оградить Имана от вредного влияния. Пусть она думает, что ее словом дорожат, такие женщины очень тщеславны, они очень ценят

послушание. Пусть пока будет по-ейному, пусть, пока. А когда я сяду в кресло директора, тогда посмотрим, кто будет, где и кем. Тогда и вернем еней, тем более, что тогда вселимся в директорский особняк, и места будет вдосталь...

Он еще долго говорил и его ровный голос действовал усыпляюще. Иман не заметил, как уснул, и, как всегда, сквозь сон чувствовал ласковые руки бабушки, раздевающие и укладывающие его в постель.

Утро началось как обычно, но лицо у бабушки показалось Иману особенно серьезным и сосредоточенным. Она более тщательно, нежели обычно, собирала его в школу. Родителей, как всегда, уже не было. Бабушка то и дело вздыхала и гладила его по голове. А когда он оглянулся у порога, чтобы помахать рукой на прощание, она как-то странно скривилась, и, быстро махнув рукой, отвернулась. Иману и в голову не могло прийти, что она последний раз собрала его в школу.

Школьный день пролетел незаметно. Иман чувствовал на себе взгляд своей учительницы, чуть-чуть не такой, как обычно, но он связывал это с тем, что она побывала у них накануне. И со школы он вернулся, как обычно. Но издали заметил грузовик, стоявший у дома. Простое детское любопытство заставило заглянуть в кузов, взобравшись на заднее колесо. Там стоял бабушкин сундук, ее старинная кровать с литыми чугунными спинками и темный с подпалинами круглый стол. На кровати лежали какие-то баулы и узлы.

Иман вошел в дом. Скинул в тесной прихожей ранец и прошел в горницу. Остановился в удивлении у порога – в комнате были все. Имана поразило не то, что домашние были дома, хотя они обычно собирались вместе только за ужином, а то, как они напряженно молчали, то, как они разом на него посмотрели. Бабушка – обреченно, печально, мама – виновато, отец – облегченно.

Иман не успел спросить, что случилось, почему во дворе стоит машина с бабушкиными вещами, и почему бабушка одета так, как она одевалась всегда, когда куда-либо уезжала. Он только открыл рот, как отец поднялся и произнес фальшиво бодрясь:

– А вот и Иман! Сынок, попрощайся со своей бабушкой – она сейчас уезжает. Так нужно, ненадолго, может быть на год. Да... Она поживет у твоего дяди, нагаши.

Все поднялись со своих мест и зашевелились, засуетились. Бабушка протянула к Иману руки, и он стремглав бросился к ней и уткнулся лицом ей в чапан. В глазах защипало и заморозило, в горле образовался тугий ком, когда бабушка прижала его к себе и понюхала его макушку, как всегда делала, когда он ласкался.

– Нужно поторопиться – машину дали всего на полдня, – сказал отец, и бабушка, оставив Имана от себя, окатила нежным потоком из своих теплых глаз. Иман заметил, как они наполнились слезами, и они, быстро переполнив берега, покатались вниз по морщинистым щекам к такому же мягкому, нежному подбородку. Иман ни разу не видел, чтобы кто-либо из взрослых плакал, а эти бабушкины слезы были так неожиданны, так печальны, от них веяло такой безысходностью, что ему стало грустно, больно, как будто его очень сильно обидели.

Он не замечал, что и сам плачет, не видел, что и мама заплакала и отвернулась к окну. Он видел лишь бабушкино лицо, излучающее любовь, нежность, и одновременно такую печаль, что эти невидимые потоки проникали в глубину неискушенной души мальчика и поражали в самое сердце.

Отец еще раз поторопил бабушку и вышел. Иман почувствовал, как бабушка с силой сжала его предплечья. Она заговорила, глядя ему в глаза.

– Прощай, Иман. Помни – Аллах есть, и что он милостив и милосерден. Что бы ни делал ты, что бы ни начинал – приступай к делу с именем Аллаха на устах – «Бисмилла!», и дела твои будут облагорожены им. И не забывай – Аллах один и нет бога кроме него, а Мухаммад – пророк его, не забывай калиму – «Ла илаха илла Аллах, Мухаммад – расулуллах!». Не забывай меня и все, чему я тебя учила. И да хранит тебя Аллах и не оставит своей милостью!

С этими словами она поцеловала Имана в лоб, и, резко отстранив его, пошла к выходу. Иман остался стоять, растерянно глядя вслед. Мама вышла следом, и Иман увидел, подойдя к окну, как она догнала бабушку у самой машины, и они обнялись. Шофер отворил дверцу, и бабушка, также решительно отстранив маму от себя, забралась в кабину и хлопнула дверцей. Машина газанула и отъехала.

Это было ранней весной, когда маленькая сестренка Имана Жазира начала ползать на четвереньках. Мама пришла заплаканная, и, обняв Имана, долго плакала. Жазира лопотала что-то радостно, завидев маму, а потом захныкала, недовольная тем, что ее не взяли на руки, и мама отставила Имана и занялась малышкой. Та довольно зачмокала, взяв грудь, а мама сидела, в пальто, лишь сбросив пуховую шаль на плечи, и плакала, плакала, плакала...

Иман понял, что произошло что-то очень плохое, и он почему-то сразу догадался, что это произошло с бабушкой.

– Мама, не плачь, – просил он, прижимаясь к ее колену, а она гладила его голову свободной рукой, кивала, соглашаясь, но не была властна над собой.

– Как не плакать? – шептала она, – Как мне не плакать? Нет теперь моей мамы, нет твоей бабушки!

Тогда Иман не совсем понял ее слова, но какая-то сила сжала его сердце, и он тоже заплакал.

Прошли годы, постепенно размывая образ бабушки, забылись ее рассказы об Аллахе и пророке Мухаммаде, ее напутственные слова при прощании. Но спустя много лет они всплыли в сознании, и оказалось, что они, как добрые семена, брошенные в неблагоприятном году в сухую, неприветливую почву, но сохранившие свои качества, дали всходы, лишь только прошел живительный ливень перемен.

– О, Аллах! – шептал теперь Иман пересохшими от жара губами, – прости наши грехи – и мои, и моего отца, и моей матери. Прости нас – мы оказались слишком слабыми, чтобы противостоять дьявольскому времени, и недостаточно зрячими, чтобы распознать Истину, и такими темными, что пошли на поводу у шайтана.

Жамал-мугалима

Детская память крепка, но она и выборочна – Иман скоро забыл историю, связанную с бабушкой. Жамал—мугалима оставила его в покое, как только бабушка уехала, и очень скоро дела Имана пошли в гору. Он был избран председателем совета отряда, незаметно выбился в отличники. Это произошло как-то само собой, без особых усилий с его стороны. Он продолжал учиться как прежде, не зубрил, не корпел особо над уроками, но заметил, что многие учителя выказывают к нему снисхождение. Особенно сильно это стало проявляться после того, как его отец стал директором самого крупного предприятия их поселка.

Отец добился того, о чем говорил в тот памятный вечер накануне отъезда бабушки – стал заместителем, а спустя год – и директором завода ЖБИ. Они переселились в особняк директора, так что Иман получил отдельную комнату в свое распоряжение.

Мама долго дулась на папу после отъезда бабушки; она перестала разговаривать с ним, когда пришла та плохая весть, но со временем их отношения наладились, и не было счастливее человека, чем она, когда папа стал директором, и они поселились в просторном директорском особняке.

Жизнь наладилась. Иман не знал нужды ни в чем, он одевался во все дефицитное, модное, а вскоре папа подарил ему настоящий мопед. И магнитофон кассетный был только у него, и джинсы, и много чего другого.

Конечно, находились завистники, и они пытались сорвать зло за несправедливую судьбу на нем. Но после случая с Игорьком Иман понял, что люди боятся решительных и непредсказуемых. Однажды его поколотили пацаны из старших классов, так Иман ворвался на футбольное поле на своем мопеде, и сбил самого хулиганистого, по кличке Чумка. Оказалось после, что тот получил сотрясение мозга, ударившись головой о железную штангу ворот, но все обошлось, ведь папа Имана был директором.

История с бабушкой забылась, но в существовании Имана осталась подсознательная неприязнь к Жамал-мугалиме. Если не сказать – страх. Во всяком случае, она стала непререкаемым авторитетом даже для него, не говоря уж о других его одноклассниках. Учительница была властной женщиной и, несмотря на молодость, подчинила себе всех учеников и учителей. Мало того, судя по разговорам родителей, она имела большой вес в партийной организации поселка и на равных разговаривала с большими начальниками.

Иман тогда мало что понимал, но ему было ясно, что отец невзлюбил эту учительницу с того самого ее визита. Родители не имели привычку обсуждать при детях свои проблемы, и всегда выдворяли Имана под любым предлогом, если хотели обсудить какие-либо свои дела. Или заводили такие разговоры, когда думали, что дети спят.

Но, частенько папа забывался и переходил на повышенные тона, отчего Иман просыпался и невольно подслушивал. Оказалось, что отец не простил Жамал-мугалиме того, что она вынудила тогда выселить бабушку Имана. Не сказать, чтобы он так был привязан к своей теще, да и дело было не в ней, а в том, что бойкая учительница унизила его, заставив сделать то, чего он не собирался делать. К тому же в первое время после смерти бабушки, мама мучила папу упреками, обзывала его трусом и перестраховщиком, который спасовал перед «какой-то учительницей». Мама была уверена, что если бы бабушка осталась здесь, то не умерла бы.

Теперь, став директором, заимев реальную власть, Совет Ибрагимович решил отыгаться, получить реванш за прошлое поражение и добиться низложения «слишком ретивой училки». Но он не знал, как подступиться к ней, репутация ее, как учительницы и как коммуниста была безупречной. К тому же ходили упорные слухи, что у нее есть поддержка – большой человек, не то в области, не то в самой столице. Поэтому он не мог позволить себе произвол

в отношении нее – вдруг слухи имеют реальную почву под собой. Нужно было действовать осмотрительно и осторожно.

Все это стало известно Иману из подслушанных разговоров родителей. А переходить на повышенные тона отца вынуждала позиция мамы, которая была против планов мщения. Это и раздражало отца.

– Не пойму я тебя! – воскликнул он однажды, – Чего ты защищаешь ее? Не из-за нее ли твоей матери пришлось уехать отсюда!

– Нет! – возразила мама, – Не из-за нее мама уехала, не надо валить с большой головы на здоровую. Ты поступил, как последний перестраховщик, испугался – и кого?!

– Вот, пойми после этого женщину! Ты специально говоришь так, мне назло. А я в тот момент принял единственно правильное решение. И вот результат – я сижу в кресле директора, а у тебя теперь нет хлопот. И я не собираюсь отомстить этой училке за прошлое. Зачем? Просто я вижу, что она зарвалась и пришла пора поставить ее на место. И тут ни при чем мои амбиции, как ты утверждаешь, – многие так считают, она всех достала! Она всем поперек горла! Любой мало-мальски решаемый вопрос она превращает в большу-ущую проблему, и все для того, чтобы всем стало ясно, какая она умная, какая она принципиальная, чтобы показать, какой она настоящий коммунист.

То, что отец стал директором завода, было сильным аргументом в спорах с мамой, и он всегда напоминал ей об этом, когда ему нечем было крыть. Мама была обыкновенной женщиной, она, конечно, не могла не признать, что папа руководствовался интересами семьи, когда решил избавиться от бабушки, и, понимая, как он нехорошо тогда поступил, тем не менее, оправдывала его – ведь оказалось, что его тогдашние слова не были пустыми.

И вот теперь, зная, что он замышляет что-то нехорошее против этой учительницы, признавая, что опять он собирается это сделать, исходя из тех же интересов семьи, она все же пыталась воспрепятствовать, ибо была воспитана в духе честности и открытости, и ей претило интриганство и «подковерные игры». Конечно, со временем муж, и окружающая действительность сумели перевоспитать ее, но тогда она еще не была испорчена жизнью и пыталась стать на пути подлости, хотя даже тогда действия мужа не квалифицировала так.

Иногда обсуждение принимало бурные формы, папа безуспешно пытался убедить маму в своей правоте, и тогда Иман думал о том, почему он посвящает ее в свои планы и делится с ней своими проблемами и планами. Ведь он знал, как будет против этих планов жена, как редко бывает она согласна с ним. Иман не понимал тогда, что обсуждение своих дел с мамой было необходимо папе так, как необходимы полигоны и учения военным. И вряд ли бы он посвящал ее в свои дела, если бы она всегда была на его стороне, если бы не знал, что она будет возражать, приводить контраргументы, указывать на его слабые стороны. Он, может быть, не сознавал, что жена является как бы его совестью, не позволяющим просто так, по простой прихоти уничтожить, в общем-то, ни в чем не повинную женщину, и в постоянных спорах с ней, изыскивал все новые и новые причины и поводы, по которым выходило, что это нужно сделать обязательно, что он просто вынужден это сделать, что у него нет другого выхода.

Время шло, Совет Ибрагимович наводил справки о гипотетических покровителях Жамал-мугалимы, и наступил момент, когда он убедился, что все слухи о них – только слухи. Тогда он предпринял первое, робкое наступление – выступил с критикой руководства школы. Его выступление очень задело Жамал-мугалиму, так как к тому моменту она стала завучем и партгоргом школы. И она в ответном выступлении попыталась отместить обвинения. Но партсобрание не поддержало ее, в те времена директора предприятий имели большой вес, ведь любой житель мог решить свои проблемы только при его содействии, а каждый коммунист, кроме всего прочего, был еще и простым жителем, всегда имеющим какие-либо житейские проблемы. Да к тому же в парторганизации не было ни одного человека, симпатизировавшего «этой выскочке», как за глаза обзывали Жамал-мугалиму.

В результате была принята резолюция: «Указать на недостатки...». Жамал покидала собрание, меча молнии из своих темных глаз, и когда встретила торжествующим взглядом директора, вспыхнула и отвернулась. Она выпрямила свой стройный стан, и покинула зал заседаний, высоко держа голову. Совет Ибрагимович внутренне посмеялся ее реакции, хотя мужчина в нем невольно залюбовался стройной, идеально сложенной женщиной.

А женщиной она была настоящей; все, и темные-претемные зрачки, и чувственные губы, и порывистость движений, и экспрессия в голосе – выдавали какую-то обостренную страстность ее натуры. Она обладала сильным, волевым, даже властным характером, что является, по мнению многих мужчин, большим недостатком для женщины, поэтому Жамал долго оставалась в гордом одиночестве. Молодые люди, заглядывавшиеся на нее, не могли приблизиться к ней – попросту побаивались.

Нужен был настоящий, сильный мужчина, с более сильным, или равным с ней характером, чтобы рассчитывать на успех, на ее взаимность, а таких, среди ее тайных поклонников не нашлось. Пока в их школе не появился Алмас Заманбаев – учителем физкультуры.

Алмас был бывшим спортсменом – боксером, мастером спорта, рано покинувшим спорт из-за принципиальных разногласий с руководством, из-за расхождений во взглядах на спорт, из-за порядков, царящих в спортивном обществе, из-за излишней идеологизированности всего спорта. Он был талантливым спортсменом и выказал незаурядные способности тренера и в короткий срок создал команду боксеров из учеников.

Открытый характер физрука, его строгое, но справедливое отношение к ученикам способствовали тому, что он быстро завоевал авторитет среди них. Девочки, дотоле избегавшие уроков физкультуры, теперь выражали бурную радость, узнав, что какой-нибудь урок из-за отсутствующего учителя заменяется уроком физкультуры. Некоторые ученицы старших классов влюбились в своего учителя и доставали его любовными записками. А он неизменно возвращал их, объяснив при этом, что между ними не может быть ничего, потому что он женат и любит свою жену.

Алмас был очень хорош собой – роста выше среднего, всегда подтянутый, аккуратный, с правильными чертами лица, атлетического телосложения, с уверенностью в движениях, он заставил страдать и тайно плакать не одну девушку поселка.

И можно понять их недоумение, когда они узнали, что жена у него – настоящая дурнушка. Она казалась забитой, вела замкнутый образ жизни, не заводила знакомств, вообще редко выходила из дома – лишь по необходимости. Сразу по их приезду, соседи и коллеги Алмаса стали наперебой приглашать в гости новеньких, и были удивлены тем, что Алмас приходил всегда один. Нежелание жены ходить в гости он оправдывал тем, что у них маленький ребенок, и он часто болеет.

Сам Алмас не был затворником, и часто ходил в кино и на редкие концерты, когда в поселок приезжала областная филармония, или какой-нибудь столичный артист или артистка вспоминали о существовании жителей глубинки. Естественно, он приходил в ДК один, без жены, но вел себя очень скромно и целомудренно, не поддавался на попытки местных красавиц соблазнить его, и сам не делал никаких поползновений в их направлении. И скоро от него отстали.

Но, однажды, уже весной, в начале мая, по поселку поползли сплетни о Алмase, и о... Жамал-мугалиме. Но сплетни те не могли похвастаться подробностями – передавалось из уст в уста лишь то, что они оба равнодушны друг к другу, и якобы постоянно обмениваются влюбленными взглядами. И все! На большее, ни он, ни она не давали повода.

Правда в этих сплетнях была одна – Жамал с самой первой встречи с новым физруком почувствовала симпатию к нему, и вскоре она по-настоящему влюбилась. А Алмас вел себя с завучем школы ровно, и, замечая явные признаки обостренной симпатии с ее стороны, сам

не позволял себе переходить некий рубеж, разделявший их, и не давал поводов к тому, чтобы и она приблизилась к нему.

Всем известно наше стремление добиться запретного, недоступного, недостижимого. Подбираясь к тридцати годам, Жамал еще ни разу не испытала настоящей любви к мужчине, и теперь, когда она встретила достойного ее любви человека, оказалось, что он несвободен. Она была умной женщиной, она была сильной женщиной и понимала, что если она не вызывает в мужчине никаких чувств, то самое разумное – обуздать свои страсти. И она так бы и поступила, если бы не чувствовала – он равнодушен к ней. Нет, этого нельзя было заметить ни по его поведению, ни по выражению его глаз, ни по голосу – встречаясь с Алмасом, Жамал неизменно натывалась на вежливость, корректность, спокойствие во всем его облике.

Ни по одному из известных признаков нельзя было решить, что Алмас испытывает к ней какие-то чувства, но Жамал могла бы поклясться, что это не так. Она каким-то шестым чувством слышала под стальными доспехами вежливости, под толстым панцирем его корректности, взволнованный стук горячего сердца.

Да, она уже полюбила. И, как страстная женщина, отдалась чувству полностью, всем своим существом, без оглядки на возможные последствия. Жамал не могла не понимать, что раз Алмас женат, то ее поведение однозначно вызовет осуждение даже простых коллег, а что уж говорить о товарищах коммунистах! При всей ее страстности, она обладала холодным, расчетливым умом, выстраивавшим великолепную карьеру одновременно в двух системах – в партийной и образовательной, хотя, по сути, в те времена система была одна – советская, номенклатурная.

Но любовь оказалась сильнее. Жамал чувствовала, что как бы глупеет с каждым днем. Она с удивлением замечала, как ее покидает ее всегдашняя воля, когда в поле ее зрения появлялся Алмас, он как магнитом притягивал к себе, и Жамал, забыв, куда шла, что собиралась делать, увязывалась за ним. Она стала часто посещать спортзал, хотя раньше была равнодушной к физкультуре и спорту.

Она решила объясниться с ним; ее переполняло желание сказать ему о своей любви, о том, что она так дальше не может, хотя не могла с ясностью сказать даже себе, чего же она хочет от него, чего ждет – ведь он женат. Но не было удобного случая – в школе они всегда были на виду, везде их окружали дети и учителя. Жамал стала ходить в кино, узнав, что Алмас там бывает почти каждый день, но и в ДК полно народу. Ну не писать же записки, чтобы назначить свидание!

Но однажды представился удобный случай – Жамал с Алмасом поехали в область для участия в какой-то учительской конференции. С ними должен был отправиться и директор школы, но у него как раз умер какой-то родственник, и он уехал на похороны.

И вот закончился первый день конференции, и они вернулись в гостиницу. Сердце влюбленной учительницы забило, как у последней ученицы. Она сидела в своем номере как на иголках, не зная, как подступиться к Алмасу – ну не пойдешь же к нему! Соседка по номеру, пожилая учительница из другого района, предложила пойти в гости к ее родственникам – Жамал отказалась и соседка ушла одна. Жамал ждала, может быть, Алмас сам проведает ее, хотя бы из вежливости не мешало бы ему навестить коллегу из одной школы. Но нет, Жамал долго ждала, но он так и не пришел. Повздыхав, она вышла в город погулять перед сном.

Жамал шла по полупустынной улице, погруженная в свои безрадостные мысли, когда ее нагнал Алмас. Жамал не верила своим глазам!

– Вы?! – воскликнула она, радостно улыбувшись, и он тоже улыбнулся ей и сказал, как бы оправдываясь:

– Вот, не усидел – грешно в такой славный вечер сидеть в четырех стенах.

Жамал кивнула, мол, да, и она такого же мнения и они пошли рядом.

Некоторое время они оба молчали. Жамал собиралась с мыслями, она должна сказать ему о своей любви, другого такого случая у них не будет, будь – что будет, она скажет, что любит его и тогда... тогда... пусть он тогда скажет ей жестокие, но справедливые слова, пусть отчитает ее, усостытит, пусть прочтет нотацию – пусть делает, что хочет – ей все равно! Она не может дольше молчать!

Казалось, он понимает ее, знает, о чем она сейчас заговорит и молча ждет. Жамал взглянула на него, и он тотчас поднял глаза от тротуара.

– Алмас... – она почувствовала, как кровь бросилась ей в голову, и она залепетала, словно впервые влюбившаяся школьница, – Я... я давно хотела... хотела поговорить с тобой... но... но никак не могла – ты ведь понимаешь, сколько... сколько соглядатаев у нас. Конечно, ты женат, у тебя ребенок, да... и... но...

В этом месте Алмас перебил ее. Он остановился – остановилась и Жамал. Вечерело, только что включили уличные фонари. Они оказались в пустынном сквере, рядом, в нескольких метрах, была скамейка. Молодые, маслянисто поблескивающие листочки на распустившихся деревьях распространяли еле уловимый аромат, обостряя и без того обостренные чувства.

– Нет, Жамал, – сказал Алмас, – это не так. Я не женат. И ребенок... – это не мой ребенок.

Жамал ничего не поняла, она удивленно вглядывалась в его печальные глаза – они были достаточно серьезные, чтобы подумать, что он пошутил. Она стояла, ожидая разъяснений, а он молчал, словно раздумывал, не сболтнул ли лишнего, словно в последний раз спрашивал себя: стоит ли посвящать ее в то, что было его тайной. Ее длинные в распущенном состоянии волосы лениво шевелил легкий, ласковый ветерок мая, и она вновь и вновь нетерпеливо поправляла их.

– Все думают, что Дания – моя жена, – продолжал Алмас, и его глаза сузились, словно от боли, мучившей его долго, и которую он не мог обнаружить для окружающих, вынужден был все время держать в себе, – Но это не так.

Алмас вздохнул, облегченно, он сделал, наконец, то, чего боялся сделать столько месяцев, и теперь, сбросив наконец неподъемный груз с плеч, задышал свободно и его глаза засияли радостно. Он оглянулся, и, заметив скамью, сделал жест, приглашая Жамал.

– Давай сядем, – предложил он, – Ты ведь хочешь поговорить? И мне нужно поведать одну историю, о ней нельзя рассказать в двух словах.

Он улыбнулся, словно извинялся за то, что он перешел на «ты», но Жамал этого не заметила – она все повторяла про себя то, что только что услышала. «Что он сказал? Дания – не его жена? И ребенок – не его ребенок? Как это понимать?»

– Вообще-то я хотел пригласить тебя в ресторан, но вряд ли мы сможем там спокойно поговорить, да и уместно ли рассказывать о таком за трапезой, под легкую музыку...

– Хорошо, Алмас, я не настаиваю, я и сама не хочу туда, – взволнованно заговорила она, садясь на краешек скамьи, – Говори обо всем, что ты хочешь рассказать – я внимательно слушаю. И не бойся – то, что будет сказано здесь, останется между нами – я умею хранить тайны.

Он кивнул, и приступил к своей исповеди, положив свою ладонь на ее руку.

– Я знаю, что ты хочешь мне сказать, но я должен тебе сообщить, что Дания – не жена мне. И Марат – не мой сын. Он мне как сын, но я – не отец ему.

Жамал смотрела на него и поразились метаморфозе, произошедшей с ним. Мужественное лицо его исказило страдание, глаза излучали невероятную боль. Алмас тяжело вздохнул, и задвигал желваками.

– Дания – жена моего покойного друга Карима, – продолжал он, – Карим был единственным моим другом. Мы познакомились с ним еще в спортшколе – он тоже был боксером. Он был замечательным парнем – честный, принципиальный, никогда не давал спуску тем, кто покушался на его честь и достоинство. Ты ничего не знаешь о нашем спорте, он не имеет ничего

общего с тем, как его представляет наша пропаганда. Долго рассказывать о том, что творится в наших спортивных обществах, да тебе это и не интересно.

Карим всю свою короткую жизнь боролся с чиновничьим произволом, с той грязью, что вносили они в светлое здание спорта, с теми, кто не имеет никакого отношения к спорту, с теми, кто выстроил карьеру на поте и травмах спортсменов. Он был таким же бескомпромиссным в этой борьбе, каким был и на ринге. Многим «большим людям» он стал поперек горла.

Конечно, мы, его друзья, поддерживали его, но нас была – горстка. Что мы могли?! Я сейчас понимаю, что Карим бросил вызов хорошо отлаженной системе, организованной системе. Его борьба рано или поздно должна была закончиться, либо его уходом, либо трагедией. Многие хорошие люди, тренеры, изучившие эту систему, предостерегали его, советовали отступить, но Карим изменил бы себе, если бы внял этим советам.

Но погиб он от рук других людей, промышленявших в другой сфере, но стремившихся в своем промысле эксплуатировать силу и талант таких, как Карим. По сути, это люди из одной стаи, и я не удивлюсь, если узнаю когда-нибудь, что они поддерживали между собой связь.

Но о них я узнал от Карима в самый последний момент, перед самой его смертью.

Понимал ли Карим до конца, с кем он схватился? И на что способны эти люди? Я думаю – нет, не совсем. Но даже если понимал, он бы все равно не отступил. Карим был из тех, кто идет до конца.

У Карима, кроме меня были друзья, но он был единственным моим другом, настоящим другом. Я знал о нем все – он был круглой сиротой, выросшим в детском доме, поэтому его биография умещалась в три предложения, но историю его жизни вряд ли можно уместить в толстенный том. Сколько мы переговорили, находясь на сборах и соревнованиях!

Он всегда с теплотой вспоминал о детском доме, о людях, воспитавших его, но, как и везде, и там находились подлецы и гнилые люди, и, как и везде, было достаточно несправедливости. И, естественно, он знал, и жизнь, и людей намного лучше, чем я.

А Дания была ему, как сестра – они выросли вместе. Она поступила в техникум в тот год, когда мы с Каримом вернулись из армии. Он разыскал ее, и они были вместе, пока их не разлучила смерть.

Я знал ее давно – Карим познакомил с ней еще тогда, когда нас с ним свела судьба в ДЮСШ. И всегда воспринимал ее, как его сестренку, и было как-то странно видеть их в роли мужа и жены. Но недолго они пробыли в этой роли.

В тот вечер мы возвращались поздно – состоялся бурный разговор с руководством спортклуба. На следующей неделе наша команда должна была отправиться на республиканские соревнования, и мы там должны были уступить боксерам столичного клуба, как решило наше руководство. Возможно, это решение спустили сверху, и это был приказ, и наши начальники не могли ослушаться.

Но Карим, и я, да и все наши спортсмены не могли согласиться с тем, чтобы выступить в качестве мальчишек для битья. Мы чувствовали свою силу и считали не без оснований, что сумеем накостылять столичным товарищам. И Карим наотрез отказался играть в поддавки. Ну и мы все возмутились.

Руководство насело на Карима, им было важно сломить именно его сопротивление – он был нашим вожаком, лидером. Да и боксером он был сильнейшим – наши боссы понимали, что вряд ли в столичной команде найдется боксер, способный противостоять ему. Мы все мечтали о титулах чемпионов республики, Союза, но реальные шансы стать ими были, пожалуй, у одного Карима. Сколько раз наши начальники уговаривали его дать согласие на переход в столичную команду, там, мол, реальные перспективы – он неизменно отвечал отказом. Карим был патриотом своего города, и считал, что некрасиво покидать своих друзей, и к тому же был принципиально против усиления одной команды за счет других.

Бурный спор закончился ничем – мы не уступили. И возвращались домой в приподнятом настроении, считая, что одержали важную победу.

– Нужно всегда быть такими же дружными, как сегодня, – возбужденно говорил Карим, – И тогда нас никому не одолеть.

На остановке мы простились с ребятами, жившими в другой части города. Они уехали, а мы отправились пешком – Карим с Данией жили неподалеку от моего дома.

Было поздно, поэтому улицы были пустынно – так, проедет редкая машина, а прохожих и вовсе не было. Мы все еще не могли успокоиться и продолжали обсуждать сегодняшнее событие, поэтому не обратили внимания на шум мотора за спиной.

Все произошло мгновенно – ровно урчавший двигатель подъезжавшей машины вдруг взревел и, обернувшись, мы увидели ее в двух шагах. Карим среагировал мгновенно – не зря он был талантливым боксером – он изо всех сил оттолкнул меня от себя. На другое у него просто не хватило времени – упав, и перекатившись колесом, я поднялся и увидел – машина сбила его, проехала по нему, а затем, сдав назад, переехала через него еще раз, подпрыгивая на нем, словно на кочке. Это дикое зрелище я запомнил на всю жизнь, и вряд ли когда-нибудь забуду.

Машина умчалась, резко развернувшись, а я бросился к другу. Карим был без сознания. Я приник ухом к его груди – сердце билось, но дыхание было слабым. Тогда я вскочил и побежал к дому, где он жил, а это была семейная общага, и от вахтера вызвал «скорую».

Когда мы подбежали к Кариму, и Дания наклонилась над ним и позвала его по имени, он пришел в сознание. И зашептал, быстро-быстро, торопясь и сбиваясь:

– Дания... прости – я умираю... не надо... не перебивай – я знаю... ты... вы... вы оба... мне дороги... кроме вас у меня нет... нет никого. Ты... тебе будет трудно без меня... я понимаю... да... но, надо жить... да, нужно жить...

Затем он с трудом повернул ко мне свое бледнеющее лицо, и я наклонился к нему еще ниже, потому что его шепот стал еле слышным.

– Алмас... ты... ты не оставишь Данию... я знаю... я верю... в тебя...

– Конечно, Карим, – заверил я его, – Но ты не умрешь – сейчас приедет «скорая»...

– Нет... я чувствую... прошу вас – выслушайте меня... я хочу... я знаю, как будет трудно Дании одной... ведь она остается совершенно одна... да, я знаю – ты будешь рядом... но... но этого мало... я хочу... я хочу... нужно, чтобы вы поженились...

Я отшатнулся от него при этих словах. Дания провела ладонью по его лицу, видимо, она подумала, что он начал бредить. Карим еле-еле пошевелил головой, словно просил убрать руку.

– Нет... не думайте... что я не в себе – я... все понимаю... мне все открылось... открылось все так ясно... и... и я вижу, как будет одиноко Дании... нельзя... нельзя ее оставлять... оставлять ее одну.

Карим вновь перевел глаза на меня, он не мог пошевелиться, не мог повернуть головы – лишь переводил зрачки с меня на Данию, с нее на меня.

– Алмас... ты понял меня? – я закивал головой, тщетно пытаюсь справиться с душившими меня слезами.

– Алмас, – повторил он, – ты сделаешь... сделаешь то, о чем... я тебя прошу?

– Да-да, конечно, – поспешил я заверить его, но он вновь попытался двинуть головой.

– Нет, Алмас... – шепот его стал напряженным, – Ты... ты не понял... я хочу, чтобы ты... чтобы вы...

И он перевел взгляд на Данию.

– Чтобы вы жили вместе... вы должны быть вместе... только тогда... душа моя... моя душа будет спокойна...

Дания не могла сдерживаться более – она зарыдала, уткнув лицо в грудь Карима. Очевидно, она поняла, что он умирает. Я же еще питал надежду, что он выживет, мне казалась нелепостью сама мысль, что его может не стать. И я соглашался со всем, что он говорил – я

не мог возражать ему при его критическом состоянии. А он все еще сомневался в том, что я серьезно воспринял его просьбу стать мужем Дании после его смерти. И он потребовал:

– Алмас... друг... я тебе верю... верю... но... но всякое бывает... поэтому... поэтому поклянись... поклянись, что возьмешь Данию... возьмешь ее в жены. Я прошу вас... обоих... прошу – поклянитесь... сейчас... пока... пока я еще жив...

Мы с Данией переглянулись. Ее мокрые глаза отразили мертвенный свет уличного фонаря, и бледное лицо ее было мертвенно – голубым. Карим застонал, и мы, словно сговорившись, наклонились над ним, и сказали в один голос:

– Клянусь!

– Клянусь!

Карим моргнул, словно удовлетворился, и, вздохнув, зашептал вновь – на этот раз очень тихо, еле шевеля непослушными губами.

– Вот... вы поклялись... помните... помните об этом... помните всегда...

Больше он не смог сказать ни слова. Он задергал головой, и Дания закричала:

– Да что это такое?! Где «скорая»?

Я вскочил и бросился к общаге. Дежурный станции скорой помощи сказал, что машина выслана. Но когда я вернулся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.